В.П. МОСКВИН
(Волгоград)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ: КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ И ТИПОЛОГИЯ*

Уточнен понятийный аппарат, проанализированы спорные вопросы теории интертекста, выявлены параметры членения категории интертекстуальности и основные ее типы.

Ключевые слова: *интертекст, прецедентный текст, контекст, гипертекст, фигура.*

Специалисты нередко указывают на то, что «интертекстуальность – понятие, сложное для использования ввиду чрезвычайной неопределенности и расплывчатости его содержания» [21, p. 109]. Такая неопределенность объясняется отчасти отсутствием единства в понимании базисных категорий теории интертекста, отчасти тем, что интертекстуальность обычно воспринимается исследователями как понятие элементарное и далее неделимое; между тем при внимательном его рассмотрении оказывается, что оно представлено целым рядом субкатегориальных подтипов. С этой точки зрения очевидной кажется необходимость 1) уточнения ключевых понятий теории интертекста; 2) представления категории интертекстуальности в виде поликомпонентной типологической модели с эксплицитно выраженными параметрами субкатегориального подразделения.

Если принять понимание интертекстуальности как *ассоциативного взаимодействия ряда текстов*, или «текстовой интеракции» (Ю. Кристева), то интертекстуальность, характеризуемая по принципу ex contrario, – это 1) не все экстратекстуальные связи текста, а лишь его связи с другими текстами, что делает неприемлемыми трактовки а) интертекстуальности (или, по В. Роббинзу, «интертекстуры») как «отнесенности текста к явлениям действительности за пределами интерпретируемого текста: историческим событиям, текстам, обычаям, ценностям, ролям, законам и системам» [60, p. 40]; б) интертекстуального анализа как «определения способа, которым текст конфигурирует и реконфигурирует феномены экстратекстуального мира» [65, p. 2] и др. (эти определения явно сближают понятие интертекста с понятием референции); 2) не текст и не жанр, что ставит под сомнение адекватность трактовки переиздания, перевода, адаптации etc. как «типов интертекстуальности» [45, p. 13–25] (их целесообразнее рассматривать как типы вторичных текстов); 3) не «совокупность текстов, отразившихся в данном произведении» [11, с. 48], а ассоциативное взаимодействие данного произведения с такими текстами; 4) взаимодействие не двух, а двух *или более* текстов (например, в жанре центона), что исключает количественное ограничение интертекстуальности «интеракцией двух текстов» [23, p. 10]; 5) не фигура и не троп. Известно, что многие авторы «понимают интертекстуальность как определенный литературный прием» [12, с. 539], «как троп или стилистическую фигуру» [17, с. 35], «способ построения художественного текста» [14, с. 113]; между тем интертекстуальность является не приемом, а ассоциативной базой для приемов цитирования, аппликации, аллюзии, парафраза, травестирования и других фигур интертекста, которые далеко не всегда приобретают двусмысленный характер, а потому ни с одной из трактовок тропа несовместимы.

Интертекстуальность традиционно мыслится как категория ретроспективная: «Интертекстуальность означает текстовую интеракцию, произведенную внутри данного конкретного текста. Воспринимающий его субъект понимает феномен интертекстуальности как индикатор того, как этот текст интерпретирует историю и располагает ее в себе» [38, p. 443]. Интертекстуально обогащенная речь обращена к текстам прошлого, а значит, к истории, речевой диахронии, отсюда трактовка аллюзии и иных ретроспективных апелляций как «диахронических фигур» [33, p. 113]. Следовательно, понимание такой речи, ее «ре-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов».

© Москвин В.П., 2013

троактивное прочтение» [58, p. 17] невозможны без обращения к прецедентным текстам, послужившим для нее источниками или моделями, а значит, «текстуальными линзами» [43, p. 114], обеспечивающими адекватное ее видение.

Понятие прецедентного текста (лат. *textus praecedens* ‘предшествующий текст’) начиная с XVI в. использовалось в христианской экзегезе, один из постулатов которой гласит: «Scriptura Sacra sui ipsius interpres» ‘Священное Писание интерпретируется через себя’, т. е. через собственный предтекст, контекст, ранние издания и оригинал. Термин *прецедентный текст* используется здесь в двух значениях: 1) ‘предтекст’ (в трактате М. Лютера (1483 – 1546) читаем: «Sed refragatur huic interpretationi textus praecedens» ‘Однако противится такому истолкованию предтекст’ [44, p. 208]); 2) ‘исходный текст’ (Ф. Меланхтон (1497 – 1560) именует оригинал греческого текста, переведенного на латынь, «прецедентным греческим текстом (textus graecus praecedens)» [49, p. 688]). Приведем выдержку из богословского трактата XVII в.: «Verba textus præcedenti præfixa sunt» ‘Слова прецедентного текста приложены’ [35, p. 679] (имеется в виду лексика древнееврейского текста, переведенного на латынь). Теолог XVIII в. пишет: «Hoc cotextu deprehenditur, & emendatur error textus praecedentis» ‘Данный контекст учитывая, и была исправлена ошибка прецедентного текста’ (имеется в виду ошибка переписчика) [22, p. 13]. В англоязычном богословском трактате XIX в., наследующем эту старинную терминологическую традицию, читаем: «Данный текст содержит ясную отсылку к прецедентному тексту (preceding text)» [24, p. 40].

Священная филология XX – XXI вв. использует уже два термина: 1) *прецедентный текст*; 2) сокращение *пре-текст* (*pre-text* < *textus praecedens*), ср.: «Текст, из которого извлечены аллюзии или выдержки / цитаты, обозначается как пре-текст, суб-текст, *Vorlage* (нем. ‘оригинал’. – *В.М.*), текст-источник или текст-прототип»; «Пре-текст – старший контекст, из которого извлечены аллюзии» [20, S. 27]. Термин *претекст* (без дефиса) для русского и английского (*pretext*) неудобен, поскольку отягощен значением ‘предлог, мотив’ (ср.: *под благовидным претекстом*, полукалька лат. *sub prætextu alicujus rei*).

Светская филология Нового времени под *прецедентным текстом* чаще понимает предтекст, под *пре-текстом* (*претекстом*) – исходный текст, т. е. «текст, к которому восходит данный конкретный текст» [36, p. 191], «предшествующую дискурсивную деятельность» [28, p. 69], либо с привязкой к письменной речи – как «некоторый текст, предшествующий актуальной письменной деятельности автора и определяющий его мотивацию или ориентацию» [51, p. X], т.е. текст, служащий ассоциативной опорой для адекватного понимания интертекстуально обогащенной речи.

Любая фигура интертекста, в частности аллюзия, может опираться на:

1) предшествующую по отношению к воспринимаемой, «левую» часть текста (лат. *sinister textus*, букв. ‘левый текст’), т. е. на предтекст, или предконтекст (так, в повести О. Генри «Короли и капуста» один приятель поведал другому, как некий мошенник заработал ***288*** *долларов*, сбыв партию фальшивых часов. И продолжает свой рассказ: *Так вот, я и говорю: у Генри было 360 долларов, а у меня* ***288***); отношения, связанные с взаимодействием части текста и ее предтекста, именуют интратекстуальными;

2) другой текст, т. е. пре-текст: *Идемте в городской сад. Я вам устрою сцену у фонтана* (слова Остапа Бендера, обращенные к самозваным сыновьям лейтенанта Шмидта Шуре Балаганову и М. Паниковскому в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»); в приведенной фразе содержится аллюзия к сцене встречи Самозванца с Мариной Мнишек в драме «Борис Годунов» А.С. Пушкина (ср.: «Ночь. Сад. Фонтан»).

Вслед за Ю. Кристевой предтекст как опору для осмысления текста именуют горизонтальным контекстом, пре-текст – вертикальным, ср.: «Тремя измерениями <текста> являются: сюжет написанного, адресат и внешние тексты… Таким образом, статус слова определяется а) *горизонтально*: слово в тексте принадлежит его сюжету и адресату; б) *вертикально*: слово в тексте ориентировано на совокупность литературных текстов прошлого или настоящего» [39, p. 84]. И горизонтальный, и вертикальный типы ретроактивных апелляций предполагают опору на память, поэтому интертекстуальность – величина «ассоциативная» [32, p. 138].

Осмысление интертекстуально осложненного текста, прежде всего художественного, происходит *на фоне* соответствующих претекстов, т.е. под их ассоциативным воздействием, поэтому Ю. Кристева справедливо говорит о «двойном течении поэтической речи» [39, p. 146]. Ж. Деррида именует взаимодействие смысла интертекстуально обогащенной

единицы и смысла ее пре-текста силлепсисом. Напомним, что силлепсис (греч. *σύλληψις* ‘сопряжение’) представляет собой вид зевгмы, общий компонент которой объединяет несовместимо разнородные контекстуальные смыслы, что, по мнению средневекового испанского грамматиста Франциска Санктиуса, бывает «не лишено элегантности: *tu colis barbam, ille patrem* ‘ты ***режешь*** *бороду*, он – *отца*’» [62, p. 336]. Нечто подобное наблюдается, по мысли Ж. Дерриды и его комментатора М. Риффатера, и при восприятии интертекста, т. е. столкновения «смысла контекстуального со смыслом интертекстуальным» [55, p. 637–638]. Признавая когнитивную силу данной аналогии, заметим, что взаимодействие интертекстуальных смыслов не следует полностью отождествлять ни с силлепсисом (ибо интертекстуальность далеко не всегда связана со столкновением несовместимых смыслов), ни с зевгмой (поскольку звенья зевгмы наблюдаемы, в то время как претекстуальное звено интертекста виртуально).

Тексты, объединенные интертекстуальными ассоциациями, образуют гипертекст. Гипертекст, или гипертекстуальная *система*, – величина абстрактная, поэтому под ним следует понимать ассоциативное объединение, *систему* текстов, а не некий конкретный «текст, внутри которого сосуществует несколько текстов» [5, с. 5]. Текст горизонтален и (как речь) линеен, гипертекст вертикален, т. е. представляет собой тематически упорядоченную систему. Т. Нельсон (род. 1937), создатель термина *гипертекст*, понимал под ним не текст, а «структурированный комплекс мыслей» [37, p. 13–14]; предельной формой гипертекста следует считать то виртуальное пространство, которое Ш. Гривель назвал «всеобщим текстом (text général)» [30, p. 30] и которое в эпоху Интернета стало известно как *Web*, всемирная паутина текстов.

Чтобы определить сферу действия интертекстуальности, необходимо отделить те феномены языка и речи, которые могут быть ею охвачены, от тех, которые ей служить не могут.

Поскольку любой текст представляет собой семиотически двуплановую структуру, принято противопоставлять два типа интертекстуальности: 1) «материальную интертекстуальность», заимствующую элементы плана выражения текста [50, p. 7]; 2) «тематическую интертекстуальность», заимствующую элементы плана содержания текста: темы, мотивы, сюжеты, образы [40, p. 5–6]. Здесь, видимо, следует принять мысль Ю.С. Степанова о том, что корпус межтекстовых заимствований «многоярусен, “многоэтажен” и на уровне первого этажа уже имеет устоявшееся наименование – интертекст. Интертекст – это то, что можно читать в прямом смысле этого слова. Следующие этажи уже *вряд ли можно назвать “текстами”* (курсив наш. – *В.М.*), поскольку они состоят из “нечитаемого” – понятий, образов, представлений, идей» [15, с. 3]. С этой точки зрения к сфере действия интертекстуальности следует отнести только единицы плана выражения речи, что исключает широкую трактовку данного понятия как «способа, посредством которого новый текст создан из метафор, образов и символической системы раннего текста или традиции» [47, p. 259].

На уровне межтекстовых заимствований «первого этажа» (т. е. плана выражения речи) существует два ассоциативно противоположных типа единиц.

1. Коммеморатные (лат. *commemoratio* ‘воспоминание’), т. е. интертекстуально коннотированные единицы, опознаваемые как принадлежность строго определенного текста. Среди них следует различать:

– двусторонние единицы: а) коммеморатная (аллюзийная) лексика, в частности авторские неологизмы: *паспортина* (В. Маяковский. Стихи о советском паспорте) → *Андрей проверил бумажник: синяя* ***паспортина*** *была на месте* (А. Константинов. Журналист); редкие фонетические или иные варианты слов: ***Революцьонный*** *держите шаг!..* (А. Блок. Двенадцать) → *Звоном набат* ***революцьонный****: «Кто не работает – тот не ест!»* (К. Санрин. Прохожему, обдумывающему житье); имена собственные мифологических и литературных героев (*Геракл*, *Ромео*, *Плюшкин* и др.), лежащие в основе ономастической аллюзии: *Наследники* ***Ноздрева*** *и* ***Остапа Бендера*** (заголовок газетной статьи); б) коммеморатные словосочетания и фразы, например *былое и думы*; *Все смешалось в доме Облонских*, etc.;

– односторонние единицы, в частности наборы стилевых маркеров успешных текстов, например маркеров знаменитого цикла «Вредных советов» Г. Остера, вызвавших к жизни сотни подражаний.

2. Единицы, которые не опознаются как принадлежащие строго определенному тексту, а значит, не способные служить речевой основой интертекстуальности: а) номинативные, структурные, композиционные и др. сте-

реотипы, т. е. «то, что говорится всегда, говорилось прежде, в другом месте и независимо друг от друга» [42, p. 43] (как основа «интердискурса», по М. Пешо); б) заимствования из незнакомого широкой публике текста.

Единицы 2а и 2б могут включаться в интертекстуальные отношения только при том условии, если они приобретают статус цитаты и ее атрибуты: кавычки и / или указание на источник. Наличие атрибутов цитирования сообщает единицам типа 2а комизм, как, например, следующий эпиграф к статье Р. Тименчика «Руки брадобрея, или Шесть подтекстов в поисках утраченного смысла» (Нов. лит. обозрение. 2004. №67): «Бритье освежает» (из разговора). При отсутствии атрибутов цитирования заимствование единиц типа 2б расценивается как плагиат (лат. *plagium* ‘похищение’) – «попытка выдать чужую мысль или язык за собственные» [46, p. 29].

Речевую основу интертекстуальности составляют коммеморатные единицы – приобретшие известность «идеологемы», приметы конкретной «доктрины», т. е. авторской картины мира и конкретного дискурса [19, p. 106, 107]. Давно замечено, что как только интертекстуально коннотированные единицы «освобождаются от “авторских” ассоциаций», они входят в ряды «безымянных» единиц, таких как *безгрешные доходы*, *галантерейное обхождение* [10, с. 224–225], а также выражений, «к колыбели которых пройти невозможно, чье происхождение теряется в ночи отдаленнейших времен; выражений, вышедших из темного источника, к которому уже нельзя проложить дорогу» [63, p. II]. Освобождение от авторских ассоциаций происходит постепенно, поэтому между выражениями коммеморатными и стереотипными, «бесхозными» (*αδεσπότα*) существует переходная зона: так, для одних носителей языка выражение *безгрешные доходы* стало безымянным, для других ассоциируется со стихотворением Н.А. Некрасова «Маша» (*И безгрешные даже доходы Называл воровством, либерал!*). М.Л. Гаспаров полагает, что «интертекстуальный анализ до сих пор остается скорее искусством, чем наукой» ввиду того, что «не решен исходный вопрос: где кончается интертекст и начинается случайное совпадение» [4, с. 3]. Решение данного вопроса затруднено а) наличием переходной зоны между коммеморатными выражениями (сферой речи) и *αδεσπότα* (сферой языка); б) заметными различиями в количественном соотношении этих двух типов выражений в лексиконе различных по степени образованности читателей.

Интертекстуальные отношения существенно различаются в функциональном и структурном отношениях, а также по своей силе. Назовем и рассмотрим типы интертекстуальности, связанные с указанными различиями.

По цели адресанта межтекстовые отношения целесообразно подразделить на три интенциональных типа (лат. *intentio* ‘замысел, намерение’):

1. Риторическая интертекстуальность, преследующая эстетические, эристические или иные цели, т. е. выступающая «как риторическая стратегия» [52, p. 10], возникает в результате эксплуатации фигур интертекста: а) цитирования; б) текстовых аппликаций и аллюзий; в) парафраза и травестирования; г) пародирования; д) творческого подражания успешному автору (см. главу «Фигуры интертекста» в: [9]).

2. Спонтанная интертекстуальность, не поддерживаемая специальными приемами и средствами, возникает между оригиналом и а) переводом; б) версифицированным либо прозаизированным вариантом; в) новой редакцией текста; г) адаптацией; д) аннотацией; е) сокращенным вариантом.

3. Криптофорная (греч. *κρύπτω* ‘скрываю, утаиваю’) интертекстуальность имеет место в случае плагиата, когда автор «стремится скрыть либо разрушить связь с пре-текстом» [61, p. 69].

Первый тип обладает положительной интертекстуальной интенцией, второй – нулевой, третий – отрицательной. Исходя из данной трихотомии, следует присоединиться к тем специалистам, которые рассматривают плагиат как «форму интертекстуальности» [27, p. 2].

Давно замечено, что интертекстуальность есть либо «абсорбция», либо «трансформация другого текста» [39, p. 146], что она «связана либо с перемешиванием высказываний или текстов, либо с производностью одного текста от другого» [34, p. 322]. По структуре межтекстовых ассоциаций противопоставим два вида отношений между исходным и интертекстуально обогащенным текстом.

1. «Донор → реципиент» (англ. *donor text* и *recipient text*). Текст-донор и выдержка из него связаны парциальными ассоциациями ‘целое ~ часть’. Назовем тип интертекстуальности, основанный на таких ассоциациях, парциальным (лат. *pars* ‘часть’). Необходимо

различать текст-донор и выдержку из него; их отождествление приводит к логически небезупречным утверждениям: «К прецедентным текстам относятся не только цитаты из художественных произведений… Прецедентным текстом может быть и имя собственное», например *Добчинский* и *Ноздрев* [8, с. 73]. При таком подходе прецедентный текст трактуется как знак, «единица обозначения» [6, с. 217]. Если следовать данной трактовке, то получается, что и сами тексты, и извлечения из них являются «прецедентными текстами».

2. «Производящий текст → производный текст» (франц. *texte dérivé*). Производный текст имитирует основные признаки производящего, поэтому тип интертекстуальности, основанный на деривационных ассоциациях, назовем миметическим (греч. *μίμησις* ‘подражание’). Текст, появившийся в результате мимесиса, именуется вторичным (*texte au second degré*, *texte secondaire*); текст, послуживший основой для мимесиса, – первичным (ср. нем. *Urschrift*, *Urtext*, *Originaltext*, *Grundtext* ‘ранний текст, оригинал’). Ж. Женетт называет первичный текст гипотекстом; вторичный, «производный (dérivé) от предшествующего путем трансформации» – гипертекстом; смену персонажей («ролей») – «гипертекстуальной переоценкой» [27, p. 10, 14, 367, 418]. Миметическая интертекстуальность возникает в следующих случаях.

1. При травестировании – лексической переделке пре-текста, ср.:

Производящий текст:	Производный текст:
В дымных тучках пурпур розы, *Отблеск янтаря,* *И лобзания, и слезы, –* *И заря, заря!..* (А. Фет)	*Амуниция в порядке,* *Отблеск серебра, –* *И марш-марш во все лопатки,* *И ура, ура!..* (Д. Минаев)

Основу *шуточного* стихотворения Д. Минаева составляет «ритмико-интонационный макет» *лирического* стихотворения А. Фета, в которое посредством лексических замен «включена инородная тема» [16, с. 287]. Сменилась лексическая база производящего текста, но необходимый опознавательный минимум (ритмико-синтаксический каркас, именной стиль, отдельные слова), соотносящий производный текст с производящим, остался.

2. При переосмыслении пре-текста или отдельного его фрагмента, ср.:

Производящий текст:	Производный текст:
В дымных тучках пурпур розы, *Отблеск янтаря,* *И лобзания, и слезы, –* *И заря, заря!..* (А. Фет. Шепот. Робкое дыханье…)	*В «Дымных Тучках» «Пурпур Розы»,* *«Отблеск Янтаря»,* *И «Лобзания и Слезы»,* *И «Заря», «Заря»!* (М. Сухотин. Парфюмерия)

Структурное сходство вторичного текста с первичным в случае точного мимесиса позволяет говорить об отношениях производности между первичным и вторичным текстами (например, вслед за Ю. Кристевой, Ж. Женеттом, Н. Пьеге-Гро и др.), а значит, о внутренней форме производного текста.

Определения интертекстуальности регулярно абсолютизируют 1) парциальный тип, отсюда трактовки интертекстуальности как «синекдохической загадки» [13, с. 32], как «взаимодействия двух текстов друг с другом внутри одного произведения, выступающего по отношению к ним как целое к части» [3, с. 15] (ср.: [6, с. 216]), как «включения в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [2, с. 346], как «включения интертекстуально организованным текстом сегментов пре-текста» [31, S. 34], как феномена, возникающего при «повторном использовании мотива или фрагмента текста», в частности при употреблении «автоссылок и автоцитаций» [41, p. 27]; как «реконтекстуализации – перехода из одного контекста в другой» [25, p. 51] etc.; 2) миметический тип, отсюда отождествление интертекстуальности с имитацией [29, p. 313–314], а также понимание ее как «имитации текстов прошлого» [64, p. 150], как случая, когда «один текст служит моделью для другого» [26, p. 89] и т. д. Определение интертекстуальности, данное в рамках одной из двух этих моделей, неизбежно окажется односторонним, а значит, редуктивным.

Сила интертекстуальных связей определяется мерой опознаваемости а) фрагмента текста как извлеченного из другого текста; б) текста как производного от другого текста. Значимыми в этом плане представляются следующие факторы.

1. Наличие прямой или косвенной, завуалированной ссылки на пре-текст.

2. Степень известности пре-текста реципиенту, т. е. «степень осознания интертекстуальных связей» [48, S. 29, 27], как фактор, по которому адресатов делят на «образованных, способных распознать интертекст» и «рядовых» [11, с. 58].

3. Диссонанс форм принимающего / производного текста и пре-текста. Интертекстуальный диссонанс может быть а) искусственно созданным посредством специальных средств (кавычек, курсива etc.); б) естественным, ср.: *У частного поверенного Зельтерского слипались глаза. Природа погрузилась в потемки. Затихли ветерки, замолкли птичек хоры и прилегли стада* (А.П. Чехов. Гость); на фоне прозы заметна стихотворная вставка из басни И.А. Крылова «Осел и соловей». Данный критерий как основу «поэтики восприятия» предложил учитывать М. Риффатер, по мнению которого «литературный текст устроен таким образом, чтобы обеспечить собственное декодирование» [53, p. 11], интертекстуальность же опознается «потому, что интертекст оставляет в тексте неизгладимый след – формальную константу, играющую роль императива для читателя» [56, p. 4, 5]. Наличие «маркеров интертекстуальности» [7, с. 129–147], т. е. отмеченность формы интертекстуальных вкраплений, их «аграмматичность», «катахрезность» [57, p. 5; 59, p. 37] является фактором, задающим установку на интертекстуальность и определяющим адекватность восприятия таких вкраплений, или «гипограмм» [58, p. 86, 189].

4. Число компонентов, объединяющих выдержку или производный текст с пре-текстом; в этом случае важным оказывается «объем представления исходного текста в тексте-реципиенте» [18, с. 121].

5. Степень точности а) выдержки из пре-текста; б) приближения формы производного текста к форме пре-текста. Иными словами, следует учитывать не только «меру маркированности», но и «меру формальной и семантической трансформированности» заимствований из пре-текста [1, с. 354].

Критерии 2 – 5 актуализируются в случае отсутствия ссылки. По критерию 1 цитирование сильнее аппликации и аллюзии, по критериям 4 и 5 аппликация сильнее аллюзии. Особенностью эксплицитной интертекстуальности следует считать независимость от прецедентной компетентности адресата, ее фигурой – цитирование; особенностью имплицитной интертекстуальности, «с трудом выявляемой» [11, с. 56] – зависимость от прецедентной компетентности адресата и необязательность возникновения, ее фигурами – аппликацию и аллюзию. Травестирование, пародия и подражание могут стать основой как эксплицитной (при наличии ссылки на пре-текст), так и имплицитной интертекстуальности (при отсутствии такой ссылки).

Существует мнение, что «опознаваемость и восприятие интертекстуальности случайны», поскольку «предполагают определенный уровень культуры» [56, p. 5]. Данное мнение неприменимо к цитированию, а также к случаям эксплицитного подражания («Подражания *Корану*» А.С. Пушкина), травестирования («Переодетая *Энеида*» П. Скаррона) и пародии: так, каждая пародия А. Иванова снабжена эпиграфом, извлеченным из пре-текста.

Литература

1. Арнольд И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте. СПб., 1993.

2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999.

3. Арнольд И.В., Иванова Г.М. Уистан Хью Оден: Мастерство. Поэтика. Поиск. Новгород, 1991.

4. Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т. 61. 2002. № 4.

5. Давыдова К.В. Гипертекстуальность как свойство художественного текста : дис. … канд. филол. наук. Армавир, 2006.

6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

7. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., 2007.

8. Лукин В.А. Художественный текст. М., 1999.

9. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. 2-е изд. М., 2012.

10. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.

11. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.

12. Ржанская Л.П. Интертекстуальность. Возникновение понятия. Об истории и теории вопроса // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М., 2002.

13. Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002.

14. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1997.

15. Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т. 60. 2001. № 1.

16. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

17. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т. 57. 1998. № 5.

18. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000.

19. Angenot M. Intertextualité, interdiscursivité, discours social // Texte: Revue de critique et de théorie littéraire. 1983. № 2.

20. Bøe S. Gog and Magog: Ezekiel 38–39 as pretext for Revelation 19, 17–21 and 20, 7–10. Tübingen, 2001.

21. Culler J. The Pursuit of Signs: semiotics, literature, deconstruction. Cornell Univ. Press, 2002.

22. De laudibus beatissimae Virginis et matris Mariae ab utraque origine tum animae tum corporis sermo peregrini Nicolai Celotti patavini. Venetiis, 1764.

23. Eigeldinger M. Mythologie et intertextualité. Genéve, 1987.

24. Faber G. S. A treatise on the genius and object of the patriarchal, the levitical, and the Christian dispensations. London, 1823. Vol. I.

25. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, 2003.

26. Gebauer G., Wulf Ch. Mimesis: culture, art, society. Univ. of California Press, 1995.

27. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré. Paris, 1982.

28. Goodrich S.D. The reader and the text. Amsterdam & Philadelphia, 1986.

29. Goyet F. Imitatio ou intertextualité? (Riffaterre revisited) // Poétique. 1987. Vol. 71.

30. Grivel Ch. Les universaux du texte // Littérature. 1978. Vol. 30.

31. Hammer A. Lyrikinterpretation und Intertextualität. Würzburg, 2006.

32. Hebel U.J. Towards a Descriptive Poetics of Allusion // Intertextuality. Research in Text Theory / Untersuchungen zur Texttheorie / Ed. H. F. Plett. Berlin & New York, 1991. Vol. 15.

33. Hollander J. The Figure of Echo: A Mode of Allusion in Milton and After. Univ. of California Press, 1981.

34. Jasinski J. Sourcebook on Rhetoric. London, 2001.

35. Johannis Crociis hypotyposes concionum in prophetas quos vocant minores in ecclesia Marpurgensi habitarum. Cassellis, 1673.

36. Kinney J. L. Text and pretext: Stanley Kubrick's adaptations. Univ. of California Press, 1982.

37. Kitzmann A. Hypertext handbook: the straight story. N.Y., 2006.

38. Kristeva J. Narration et transformation // Semiotica. 1969. Vol. 1. № 4.

39. Kristeva J. Σημειωτική. Recherches pour une sémanalyse. Paris, 1969.

40. Lemke J. L. Intertextuality and educational research // Uses of intertextuality in classroom and educational research / Ed. N. Shuart-Faris & D. Bloome. Information Age Publishing, 2004.

41. Limat-Letellier N. Historique du concept d'intertextualité // L'intertextualité. Paris, 1998.

42. L'inquiétude du discours: Textes de Michel Pêcheux / Ed. D. Maldidier. Paris, 1990.

43. Lynch S. J. Shakespearean Intertextuality. Westport, 1998.

44. Marthini Lutheri Exegetica opera Latina. T. IX. Erlangae, 1841.

45. Miola S.R. Seven types of intertextuality // Shakespeare, Italy, and intertextuality / Ed. M. Marrapodi. Manchester Univ. Press, 2004.

46. Moss S., Moss C. The New Composition by Logic. Southern Illinois Univ. Press, 1978.

47. O'Day G. R. Jeremiah 9:22–23 and 1 Corinthians 1:26–31: A Study in Intertextuality // Journal of Biblical Literature. 1990. Vol. 109. № 2.

48. Pfister M. Konzepte der Intertextualität // Intertextualität: Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien / Hrsg. U. Broich & M. Pfister. Tübingen, 1985.

49. Philippi Melanchthonis opera quae supersunt omnia. Halis Saxonum, 1851. Vol. XVII.

50. Plett H. F. Intertextualities // Intertextuality. Research in Text Theory. Berlin & N. Y., 1991.

51. Pre-text, text, context: essays on nineteenth-century French literature / Ed. R. L. Mitchell. Ohio State Univ. Press, 1980.

52. Redmond M. J. Shakespeare, politics, and Italy: intertextuality on the Jacobean stage. Burlington, 2009.

53. Riffaterre M. La production du texte. Paris, 1979.

54. Riffaterre M. La Syllepse intertextuelle // Poetique. 1979. Vol. 40.

55. Riffaterre M. Syllepsis // Critical inquiry. 1980. Vol. 6. № 4.

56. Riffaterre M. La trace de l'intertexte // La Pensée: Revue du rationalisme moderne. 1980. Vol. 215.

57. Riffaterre M. L'intertexte inconnu // Litterature. 1981. Vol. 41.

58. Riffaterre M. Semiotique de la poesie. Paris, 1983.

59. Riffaterre M. Contraintes intertextuelles // Texte(s) et intertexte(s). Amsterdam, 1997.

60. Robbins V. K. Exploring the texture of texts: a guide to socio-rhetorical interpretation. Harrisburg, 1996.

61. Rose M.A. Parody: ancient, modern, and post-modern. Cambridge Univ. Press, 1993.

62. Sanctius F. Minerve, ou Les causes de la langue latine. Presses Univ. de Lille, 1982.

63. Tuet J. Ch. F. Matinées sénonoises: ou Proverbes françois, suivis de leur origine. A Paris, 1789.

64. Viala A. Le Butin galant // Texte(s) et intertexte(s). Amsterdam, 1997.

65. Watson D. Introduction // The intertexture of apocalyptic discourse in the New Testament. Leiden, 2002.

Intertextuality: category apparatus and typology

There is specified the conceptual apparatus, analyzed the disputable issues of the theory of intertext, revealed the parameters of dividing the category of intertextuality and its main types.

Key words: *intertext, precedent text, context, hypertext, figure.*

Т.Н. КОЛОКОЛЬЦЕВА
(Волгоград)

НОВАЯ ЭРА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ИНТЕРНЕТ-ЭПОХУ*

Рассмотрен ряд проявлений категории интертекстуальности в Интернете: формирование глобального интертекстуального континуума, резкое увеличение степени открытости текстов, диалогические переклички текстов по схеме «стимул – реакция». Проанализированы различные трактовки термина «гипертекст», охарактеризован электронный гипертекст как имманентное свойство интернет-среды.

Ключевые слова: *интертекстуальность, гипертекстуальность, интернет-коммуникация, электронный гипертекст, межтекстовые связи, диалогическая перекличка текстов.*

Интертекстуальность – одна из категорий, привлекающих пристальное внимание современных исследователей (см., например, работы И.В. Арнольд, Н.А. Кузьминой, В.П. Москвина, Н.С. Олизько, Ю.С. Степанова, Н.А. Фатеевой, В.Е. Чернявской, G. Allen и др.). Хотя явление диалогической переклички текстов и даже теория интертекстуальности отнюдь не новы [19, с. 7–10], данная категория и объясняющие ее концепции оказались удивительно созвучными нашему времени – эпохе постмодернизма и массового приобщения к Интернету.

Под интертекстуальностью вслед за Е.А. Баженовой мы понимаем «текстовую категорию, отражающую соотнесенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [2, с. 104]. Проблемы интертекстуальности до настоящего времени рассматриваются преимущественно на материале художественных текстов. Однако не вызывает никаких сомнений, что особую роль данная категория играет в интернет-коммуникации. Интернет-среда и новые компьютерно опосредованные технологии создают постине уникальные возможности для развития разнообразных форм текстуальности и интертекстуальности. Наиболее яркими проявлениями интертекстуальности в Интернете представляются следующие:

– формирование глобального текстуального (и интертекстуального) континуума виртуального характера;

– резкое увеличение степени открытости текстов и возможность быстрого автоматического обнаружения эксплицитных межтекстовых связей;

– наличие электронной гипертекстуальности как имманентного свойства интернет-среды;

– усиление значимости в интернет-коммуникации категории диалогичности;

– изменение роли фигур интертекста (в частности, возрастание удельного веса и увеличение числа функций цитации и цитат);

– расширение коммуникативного пространства прецедентности и резкий рост количества ссылок на прецедентные феномены.

Остановимся на некоторых из перечисленных особенностей.

Интернет как информационное пространство планетарного масштаба не случайно вызывает в сознании исследователей (и наивных носителей языка) аналогии с библиотекой, хранящей все знания человечества [11; 36, с. 199]. По объему заключенной в ней информации глобальная Сеть без всякого сомнения

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов».

© Колокольцева Т.Н., 2013